

**ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ Н.А. БЕРДЯЕВЫМ
МИРОСОЗЕРЦАНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ИСТОРИОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
PHILOSOPHICAL ANALYSIS BY N.A. BERDYAEV
THE WORLDVIEW OF F.M. DOSTOEVSKY:
ANTHROPOLOGICAL AND HISTORIOSOPHICAL PROBLEMATICS**

Аннотация: В статье «Философский анализ Н.А. Бердяевым мирозерцания Ф.М. Достоевского, предпринятого им в монографии «Мирозерцание Достоевского». Автор статьи анализирует антропологическую и историософскую проблематику.

Abstract: In the article "N.A. Berdyaev's philosophical analysis of F.M. Dostoevsky's worldview, undertaken by him in the monograph "Dostoevsky's Worldview". The author of the article analyzes anthropological and historiosophical problems.

Ключевые слова: Мирозерцание, антропологическая проблематика, историософская проблематика.

Key words: Worldview, anthropological problems, historiosophical problems.

Н.А. Бердяев посвятил анализу философского мирозерцания Ф.М. Достоевского несколько работ: монографию «Мирозерцание Достоевского», труды «Откровение о человеке в творчестве Достоевского», «Ставрогин». Можно выделить две крупных проблемы, которые рассматривает Н.А. Бердяев: во-первых, это проблема человека в творчестве Ф.М. Достоевского и связанные с нею темы (тема свободы, тема любви, тема добра и зла), и во-вторых, проблема историософская.

Подробно рассматривается важная проблема в творчестве Ф.М. Достоевского и в творчестве Н.А. Бердяева – проблема свободы.

Третья глава монографии Н.А. Бердяева “Миросозерцание Достоевского” называется “Свобода”. В третьей главе монографии философ пишет: “Тема о человеке и его судьбе для Достоевского есть прежде всего тема о свободе. Судьба человека, его страдальческие странствования определяются его свободой. Свобода стоит в самом центре миросозерцания Достоевского” [2, С. 44]. Н.А. Бердяев пишет: “Свобода для него есть и антроподицея и теодицея; в ней нужно искать и оправдания человека и оправдания Бога” [2, С. 44].

Значение **философского концепта «теодицея»** известно: буквально «оправдание бога», общее обозначение религиозно-философских доктрин, стремящихся согласовать идею «благого» и «разумного» божественного управления миром с наличием мирового зла, «оправдать» это управление перед лицом тёмных сторон бытия» [1, С. 31].

Н.А. Бердяев проводит такую мысль: “Ещё Бл. Августин в своей борьбе с пелагианством учил о двух свободах: **libertas minor и libertas major [libertas minor (латинск.) - “свобода меньшая”; libertas major (латинск.) - “свобода большая”]**. Низшая свобода была для него изначальная, первая свобода, которая есть **свобода избрания добра**, она связана с возможностью греха; **высшая свобода была последней, конечной свободой в Боге, в добре**. Бл. Августин был апологетом второй свободы, **libertas major**, и в конце концов пришёл к учению о предопределении. Хотя в церковном сознании и возобладало полупелагианство, но Бл. Августин оказал влияние на католичество, неблагоприятное для свободы. Он дал санкцию преследования и смертной казни еретиков. Остаётся несомненным: существует не одна, а две свободы: первая и последняя, **свобода избрания добра и и зла и свобода в добре, или свобода иррациональная и свобода в разуме**” [2, С. 44].

Н.А. Бердяев цитирует Евангелие от Иоанна: “Познайте истину, и истина делает вас свободными” (Ин. 8, 32). “И евангельские слова: “Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными” относятся ко второй свободе, свободе во Христе” [2, С. 46], - замечает русский философ. Своё учение о свободе Н.А. Бердяев соотносит с учением о свободе, которое имело место в рамках истории христианской мысли. “Эта трагическая проблема свободы мучила **христианскую мысль** на протяжении всей её истории. С ней связаны споры Бл. Августина с пелагианством, учением об отношении между свободой и благодатью, споры, вызванные янсенизмом, уклоны Лютера в сторону августиновского предопределения, мрачное учение Кальвина, отрицавшее как будто бы всякую свободу. Христианская мысль была сдавлена двумя опасностями, двумя призраками - злой свободы и доброго принуждения” [2, С. 47].

Н.А. Бердяев в книге “Миросозерцание Достоевского” утверждает, что “свобода духа человеческого, свобода совести входит в содержание христианской Истины” [2, С. 47].

Русский философ утверждает, что “путь свободы есть путь нового человека христианского мира”, и сравнивает свободу античного человека или человека древнего Востока со свободой человека в христианстве. Н.А. Бердяев замечает: “Бесконечные человеческие стремления возможны только в христианском мире. Фауст есть **явление христианского периода истории**, он невозможен в мире античном. Фаустовские бесконечные стремления наиболее характерны для

христианской Европы. Только в христианском мире возможен Байрон. Манфред, Каин, Дон-Жуан могли явиться только в христианской Европе. Эта бунтующая свобода, эти бурные, тревожные, не знающие предела стремления, это иррациональное содержание жизни – явления внутри христианского мира. Бунт человеческой личности против миропорядка, против рока - **внутренне христианское явление**” [2, С. 28-49].

Н.А. Бердяев употребляет словосочетание-термин “фаустовская душа”. Русский философ утверждает, что “герои Достоевского знаменуют **новый момент в человеческой судьбе внутри христианского мира**, более поздний момент, чем Фауст” [2, С. 49].

“Искание человеческой свободы вступает в новый фазис. Свобода у Достоевского есть не только христианское явление, но и явление нового духа. Она принадлежит **новому периоду в самом христианстве**. Это есть переход христианства из периода исключительного трансцендентного его понимания в период более имманентного его понимания. Человек выходит из-под внешней формы, внешнего закона и страдальческими путями добывает себе внутренний свет. Всё переходит в последнюю глубину человеческого духа” [2, С. 49].

Н.А. Бердяев утверждает, что “свобода как своеволие истребляет себя”. Главное слово здесь - своеволие. Достоевский раскрывает судьбу человека, который свободен до своеволия. “С **внутренней имманентной неизбежностью** ведёт такая свобода к рабству, угашает образ человека. Не внешняя кара ожидает человека, не закон извне налагает на человека свою тяжёлую руку, а изнутри, имманентно раскрывающееся Божественное начало поражает человеческую совесть, от опаляющего огня Божьего сгорает человек в той тьме и пустоте, которую он сам избрал себе” [2, С. 50].

Н.А. Бердяев показывает тесную **взаимосвязь свободы человеческой и свободы божественной** в христианском мирозерцании и творчестве писателя. “Образ человеческий держится природой высшей, чем он сам” [2, С. 50], - утверждает русский философ. Свобода ведёт к пути **богочеловеческому**. Н.А. Бердяев пишет в монографии “Мирозерцание Достоевского”: “Человек должен идти путём свободы. Но свобода переходит в рабство, свобода губит человека, когда человек в буйстве своей свободы не хочет знать ничего высшего, чем человек. Если нет ничего выше самого человека, то нет и человека. Если нет у свободы содержания, предмета, нет связи человеческой свободы со свободой божественной, то нет и свободы. Если всё дозволено человеку, то свобода человеческая переходит в рабствование самому себе. А рабство у самого себя губит самого человека. Образ человеческий держится природой высшей, чем он сам. Свобода человеческая достигает своего окончательного выражения в свободе высшей, свободе в Истине. Такова неотвратимая диалектика свободы. Она ведёт к пути богочеловеческому” [2, С. 50]. Путь богочеловеческий. **Богочеловечество**, как известно, - “одно из ключевых понятий русской религиозной философии, восходящее к христианскому учению о единстве божественной и человеческой природы Иисуса Христа, определяемое как “неслитное, неизменное, нераздельное и непреложное” (Халкидонский собор, 451 г.)” [4, С. 62-63].

Н.А. Бердяев пишет: “Но Христос не есть внешний человек, **внешний строй жизни**. Царство Его несоизмеримо с Царством мира сего. И Достоевский гневно

изобличает все уклоны христианства к религии принуждения и насилия. Свет Истины, благо окончательной свободы не могут быть получены извне. Христос и есть последняя свобода, не та беспредметная, бунтующая и самозамыкающаяся свобода, которая губит человека, истребляет его образ, но та содержательная свобода, которая утверждает образ человека в вечности. Об этой Истине должна свидетельствовать судьба Раскольникова и Ставрогина, Кириллова и Ивана Карамазова. Ложно направленная свобода погубила их. Но это не значит, что их нужно было держать в принуждении, под исключительной властью внешне регулирующего закона. Гибель их светоносна для нас. Трагедия их есть гимн свободы” [2, С. 50]. Н.А. Бердяев, анализируя решение проблемы свободы в творчестве Ф.М. Достоевского, употребляет термины “испытание свободы”, “принудительный порядок”, “мировое соединение людей”.

Н.А. Бердяев о Достоевском пишет: “Свободу человеческого духа противопоставляет он и католицизму, и социализму” [2, С. 51]. “Человек должен был пройти через выпадение из принудительного миропорядка, должен через свободу своего духа провести миропорядок. Вера, на которой хотел Достоевский организовать общественный порядок, должна быть свободной верой. На свободе человеческой совести покоится эта вера. “Через горнило сомнений моя Осанна прошла” [3, С. 125], - пишет Достоевский о себе” [2, С. 51].

Н.А. Бердяев в главе “Свобода” монографии “Миросозерцание Достоевского” анализирует “Легенду о Великом Инквизиторе”, которая составляет смысловое ядро романа “Братья Карамазовы”. Именно в “Легенде о Великом Инквизиторе” Ф.М. Достоевский поднимает проблему свободы. Н.А. Бердяев анализирует точку зрения писателя на проблему свободы: “Он отвергает чудо, тайну и авторитет как насилие над человеческой совестью, как лишение человека свободы его духа. Три искушения, которыми искушал диавол Христа в пустыне, направлены были против свободы человеческого духа, свободы человеческой совести” [2, С. 51-52].

Н.А. Бердяев, анализируя проблему свободы в миросозерцании Ф.М. Достоевского, приходит к выводу: “Достоевский открыл, что антихристово начало не что иное, как отрицание свободы духа, как насилие над человеческой совестью. И он до глубины исследует это начало. Христос - свобода. Антихрист - принуждение, насилие, рабство духа. Антихристово начало принимает разные обличия в истории - от католической теократии до атеистического социализма и анархизма” [2, С. 52-53].

Н.А. Бердяев пишет о “раздвоенных героях Достоевского”, о свободе “подпольного человека”. “Достоевский почувствовал, что в свободе подпольного человека заложено семя смерти” [2, С. 53]. “На путях человекобожества погибает человеческая свобода и погибает человек. Это - основная тема Достоевского. Так погибает свобода и у других раздвоенных героев Достоевского, у всех заблудившихся в путях своеволия” [2, С. 53].

Н.А. Бердяев употребляет такие словосочетания, как “злая страсть” или “злая идея”. “Безудержная, безмерная свобода сладострастия делает человека его рабом, лишает свободы духа. Достоевский большой мастер в описании перерождения и вырождения личности под влиянием одержимости злой страстью или злой идеей. Он исследует онтологические последствия этой одержимости” [2, С. 54].

Литература

1. Аверинцев С.С. Теодицея // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 31.
2. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., 1994. С. 44.
3. Достоевский Ф.М. Из записной тетради 1880-1881 гг. Дневник. 1881 // Достоевский Ф.М. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 125.
4. Козырев А.П. Богочеловечество // Русская философская энциклопедия. Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2007. С. 62-63.